

ПРЕДРАССУДОК КАК ФЕНОМЕН СОЗНАНИЯ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

В статье рассматриваются некоторые предпосылки философского исследования предрассудка как феномена сознания. С этой целью привлекаются не только собственно философские источники, но обращается внимание на роль предрассудков в естественнонаучном и техническом знании. В рамках эпистемологического анализа акцентируется связь предрассудка с понятием предпосылочного знания. Предпринимается попытка обобщить некоторые результаты психологических исследований природы предрассудков.

Ключевые слова: предпосылочное знание, предпосылка, предрассудок, ценностное и когнитивное, эволюционная эпистемология.

Предрассудок всегда понимался как нежелательная проблема, трудность в познании, требующая обязательного преодоления, особенно в научном познании. Но в результате отнесения предрассудка лишь к побочному эффекту, нежелательному, хотя и закономерному следствию реально происходящего познавательного процесса, предрассудок не становился предметом специального эпистемологического исследования. В лучшем случае время от времени раздавались предостережения относительно того, что «не следует недооценивать эти предрассудки; это властные силы, побочный продукт полезных и даже необходимых изменений в ходе развития человечества. Они поддерживаются нашими аффективными силами, и бороться с ними трудно» [11, с. 11]. Поэтому не случайно те исследователи, которые долго и основательно занимались проблемами, связанными напрямую с феноменом предрассудка, вынуждены были констатировать в итоге, что «предрассудок – это одна из тех проблем нашего времени, относительно которой каждый имеет теорию, но никто не имеет ясного ответа» [13, с. 7].

Другими словами, будучи серьезной познавательной проблемой, сам предрассудок относился к разряду непроблематичного знания в том смысле, что весь предпосылочный контекст познания полагался как нечто данное, значение которого очевидно и не требует дополнительного пояснения.

В герменевтическом проекте Х.-Г. Гадамера [4] категория предрассудка приобрела статус необходимого элемента в структуре предпонимания, в связи с чем была поставлена задача по «реабилитации» предрассудка. Такая позиция отчасти была обусловлена существующей «романтической» интерпретацией предрассудка, нашедшей соответствующее отражение в

поэтическом творчестве: «Предрассудок! Он обломок давней правды. Храм упал; а руин его потомок языка не разгадал» [1, с. 117].

Действительно, задача, сформулированная в философской герменевтике как реабилитация предрассудка, во многом была выполнена. Но это «многое» затрагивало в первую очередь гуманитарное знание или «науки о духе» и практически не относилось к «наукам о природе». Сфера исследования предрассудков в герменевтической концепции предрассудка охватывает историю, этику, искусство, и в более широком контексте предрассудок рассматривается как неотъемлемый элемент исторического предания, традиции.

Но предрассудок не является «монополизированной» темой лишь тех сфер духа, которые связаны с историей, искусством, психологией и другими направлениями мысли, объединяемыми социальным и гуманитарным знанием. Так, например, российский математик Ю.А. Петров убежден в том, что предрассудки существуют и в математике, оказываясь даже причиной техногенных катастроф. Вероятно, многие специалисты-математики могут назвать такое утверждение спорным, особенно в том, что «одна из важнейших и известнейших математических теорем основана не на доказательстве, а на предрассудке – на привычном, но ложном убеждении большинства математиков в том, что эквивалентные преобразования якобы «ничего не меняют» [9, с. 51].

Для исследования предрассудка важно выделить, что этот феномен сознания, несомненно, играет важную роль даже в такой сфере, которая традиционно рассматривается как сфера, «свободная» от предрассудков. Всем известно, что если для ученого-естествоиспытателя и инженера математика – это прежде всего необходимый инструмент познания, то для некоторой части математиков-профессионалов математика выступает

как пристрастная убежденность, сравнимая с религиозным убеждением. А ведь пристрастность в суждениях – это неотъемлемая черта предрассудка, которая традиционно приписывается ему. В этой связи известный физик-материаловед Дж. Гордон, всю свою жизнь, занимаясь изучением материалов и практическим воплощением своих теоретических идей, вполне обоснованно отмечает, что «если наука о материалах оказалась тяжелой даже для ученых, вряд ли можно предположить, что наши предки вполне осознанно обрабатывали и использовали материалы. И в самом деле, ни одна из технических дисциплин не изобилует суевериями в такой степени. Можно было бы (а быть может, и должно) написать объемистую, полную ужасов книгу о предрассудках, связанных с получением материалов» [5, с. 15]. По всей видимости, автор хотел сказать, что доля предрассудочности в науке заметно больше, чем это принято считать.

Понятие предрассудка в гносеологическом аспекте неразрывно связано, на наш взгляд, с понятием предпосылочного знания, которое выступает аналогом таких понятий современной эпистемологии как, априорное знание, форма неявного личностного знания, «субъективистское заблуждение», «естественная интерпретация», «предпонимание». Более того, в некотором специфическом контексте, например, у К. Поппера, предрассудок соотносится не только с понятием знания вообще, но с теорией, там, где говорится о «теоретической нагруженности» фактуальных данных: «Так называемые данные на самом деле являются приспособительными реакциями и тем самым интерпретациями, включающими теории и предрассудки и, подобно теориям, пронизаны (are impregnated) гипотетическими ожиданиями. Классическая эпистемология не осознает, что не может быть чистого восприятия, чистых данных, точно так же, как не может быть чистого языка наблюдения, так как все языки пронизаны теориями и мифами» [10, с. 145–146].

Само использование термина «предпосылочное знание» заставляет обратиться к некоторым более общим, возникающим при этом эпистемологическим дискурсам в отечественной философии. Это касается прежде всего самого понятия знания и структуры познавательного процесса, понятия рациональности, когнитивных способностей и некоторых других. В этом отношении можно отметить работы таких авторов, как Н.С. Автономова, П.С. Дышлевой, П.С. Заботин, В.А. Лекторский, И.Т. Касавин, С.Л. Катречко, И.П. Меркулов, В.М. Найдыш,

В.С. Степин, В.С. Швырев, Я.В. Шрамко и другие.

Конечно, предрассудок не есть *только* знание в смысле чисто когнитивной конструкции. В меньшей мере в нем представлена и его аксиологическая составляющая, что, на наш взгляд, придает исследованию предрассудка еще большую актуальность, поскольку проблеме соотношения знания и ценности в современной эпистемологии и философии в целом придается, несомненно, большое значение.

Философское осмысление какой-либо проблемы как познавательного процесса предполагает учет двух основных методологических позиций. С одной стороны, конкретный познавательный акт всегда опирается на некое исходное знание, полагаемое истинным и не требующее само предварительного обоснования – иначе такое знание уже не будет исходным, а лишь результатом, завершением познавательного поиска. С другой стороны, познавательное отношение человека к действительности всегда направлено на поиск нового знания и поэтому, стремясь завершить этот поиск, он никогда не может быть завершенным, в конечном счете, то есть быть «истиной в последней инстанции». То, что выступает предпосылкой, само должно быть по своей природе беспредпосылочным, иначе полагание определенных (актуальных) предпосылок как истинных всегда будет откладываться до выяснения истинности не актуализированных предпосылок. Так, например, философия выступает, с одной стороны, как беспредпосылочное знание о сущности бытия, но с другой – сама остается для конкретных проявлений бытия познавательной базовой предпосылкой. Системы предпосылочного знания, переходящие в форму непосредственно неосознаваемого, но и приобретающие при этом особую значимость – ценность, – такие системы можно назвать Предрассудком с большой буквы. В этом смысле системы религиозного, нравственного и эстетического знания в наибольшей степени проявляют себя как особый тип сознания, а именно предрассудочного сознания.

В этой связи нам представляется актуальной разработка той проблемы современной эпистемологии, которая привела к обоснованию методологического тезиса о том, что конкретный мыслительный акт фактически не бывает беспредпосылочным. Конкретная познавательная ситуация всегда исходит из определенных, явных или неявных, предпосылок. Вместе с тем

существует не только потребность в определении понятия предпосылочного знания, но и в более детальном исследовании всех наиболее важных модусов, аспектов и форм его проявления. Одной из таких значимых форм проявления предпосылочного знания служит предвзятость, хорошо известный всем по опыту, но в такой же степени предстающий как феномен, окруженный ореолом неизвестности, даже таинственности. Но то, что получает статус таинственности, по определению получает и статус актуальности, по крайней мере, пока тайна не разгадана, не исследована в достаточной мере.

Если сравнительно недавно (вторая половина XX в.) само понятие предвзятости в основном связывалось с психологическими исследованиями, то на сегодняшний день сфера распространения научного интереса к феномену предвзятости заметно расширилась. Учитывая то обстоятельство, что для эпистемологии конца XX в. «все большее значение стали приобретать достижения эволюционной биологии, генетики человека и когнитивной науки, получившие широкое применение в информационных и биотехнологиях» [7, с. 6], изучение феноменов до определенной поры связывавшихся с решением чисто гносеологических проблем, стало приобретать более широкий спектр объяснения.

Процесс познавательной деятельности необходимо включает в себя не только собственно осознанную когнитивную, налицо осуществляемую активность сознания, но и те условия, факторы и предпосылки, которые сделали возможным конкретный познавательный акт. Это предопределяет тот непреходящий научный интерес, проявляемый к истории и генезису любого идеального образования сознания, ставшего предметом специального научного изучения со стороны представителей самых разнообразных направлений знания. Непосредственно практическое значение и актуальность имеют те элементы сознания, которые оказывают наибольшее влияние в процессе образования нового знания и функционирования уже устоявшегося, закрепленного и вошедшего в основу когнитивной системы. Одним из таких элементов, несомненно, является тот феномен сознания, который принято называть предпосылочным знанием, одна из форм выражения которого есть предвзятость.

Одним из основных теоретико-методологических моментов в исследовании предвзятости как феномена сознания является очевидная его связь с проблемой соотношения знания и ценности, ког-

нитивного и ценностного в познании. Как филогенетическая проблема теории познания в целом, она присутствовала всегда, но не всегда осознавалась в онтогенезе каждого конкретного познавательного акта. В отечественной философской мысли этому вопросу уделяется особенное внимание в социально-философских, аксиологических и эпистемологических исследованиях. В этой связи наиболее полезными в выработке нашей собственной концепции предвзятости [2], [3] оказались работы Л.В. Баевой, П.П. Гайденко, А.А. Ивина, М.С. Кагана, Л.А. Микешиной, Г.Г. Коломиец, Л.Н. Столовича, В.К. Шохина и других. Как правило, ценности в форме мировоззренческого и методологического знания рассматриваются как «явные и неявные предпосылки и способы социокультурной обусловленности научного познания» [8, с. 4], что говорит об особом, аксиологическом измерении эпистемологии. Можно также отметить «сближение разных системообразующих принципов, указывающих на модальные изменения в антропосоциогенезе, в социальном космосе человека. В частности, характерно сближение в человеческом сознании интуитивного и логического сторон мышления» [6, с. 63]. Предвзятость в таком контексте предстает как особая форма взаимодействия ценностных и когнитивных компонентов сознания, где указанное сближение двух сторон мышления находит специфическую форму преломления.

Следует отметить те научные исследования, которые рассматривают предвзятость как психологический феномен. В основном в таких исследованиях акцентируется внимание на различных видах предвзятости, выделяя преимущественно этнические (национально-этнические, расовые), религиозные, гендерные и т.п. предвзятости. При этом в тех исследованиях, где основным предметом изучения являются именно предвзятости, речь идет не о предвзятости как таковой, а о конкретном ее виде, сводимом, по сути, к уже известному явлению или процессу, таким как социальная установка (аттитюд) или социальный стереотип. Для характеристики так называемой «предвзятой личности» используется термин «паттерн предвзятости» (Т. Адорно). В классической теории предвзятости Г. Оллпорта, до сих пор составляющей фундамент академических исследований в области межэтнических отношений, фактически представлена концепция происхождения этнических предвзятостей. В качестве основной методологической установки здесь значитель-

ную роль сыграл общий вывод, сделанный Г. Олпорт при определении основополагающих причин, порождающих предрассудки: «...в нашем распоряжении своего рода связка ключей, каждый из которых открывает одни врата в понимании сложной природы предрассудка» [14, р. 208]. В этой связи, при анализе основных психологических подходов к феномену предрассудка их можно было бы объединить под общим названием «рационального эклектизма».

Встречающееся расширительное толкование в специальных научных (биологических и психологических) исследованиях самого термина «предрассудок» выводит этот феномен сознания за рамки собственно гносеологического анализа только человеческой психики. Так, по мнению канадских биологов К. Эббота и Т. Шеррата, предрассудки (superstitions) – следствия наличия у людей и животных особого адаптивного механизма обучения [12].

Сходные процессы получили разработку и в рамках более широкого, философского направления – в эволюционной эпистемологии. В частности, исследуя эволюцию когнитивных способностей, И.П. Меркулов использует в качестве ключевого принципа понятие естественного отбора. При этом естественный отбор «оказывается направленным на формирование и эволюционное развитие у организмов все более высокоорганизованных когнитивных систем, способных информационно контролировать окружающую среду и их

собственные когнитивные состояния (самовосприятие) с помощью создаваемой этими системами когнитивной информации» [7, с. 22].

Таким образом, при исследовании феномена предрассудка нельзя не учитывать результаты исследований современной эволюционной эпистемологии, поскольку это позволяет провести связь с основными достижениями современного естествознания. Примером такого рода междисциплинарного взаимодействия, на наш взгляд, является активное использование в теоретических разработках эволюционной теории познания данных, полученных при помощи экспериментов, проводимых в рамках когнитивной психологии.

В целом же, теоретическое значение предполагаемых результатов исследования, с учетом предложенных в данной статье описаний, интерпретаций, методических рекомендаций может привести к существенной корректировке в использовании термина «предрассудок» в специальных научных исследованиях. Непосредственную практическую значимость таких изменений должно приобрести использование результатов исследования в решении насущных проблем в сфере социальных и межличностных коммуникаций, в лучшем понимании причин таких явлений, как этноцентризм, толерантность, авторитаризм, тоталитаризм и др., поскольку вектор теоретико-методологической «нагруженности» этих проблем и явлений может существенно измениться.

01.03.2014

Список литературы:

1. Баратынский, Е.А. Очарование красоты / Е.А. Баратынский. – СПб. : Изд. дом «Азбука-классика», 2008. – 320 с.
2. Габдуллин, И.Р. Метафизические основания в понимании предрассудка как формы когнитивно-ценностного взаимодействия в структуре сознания / И.Р. Габдуллин // Вестник Оренбургского государственного университета. – Оренбург, 2011. – № 7 (126). – С. 167–174.
3. Габдуллин, И.Р. Предрассудок как закономерный момент функционирования сознания / И.Р. Габдуллин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – М., 2012. – № 2. – С. 33–38.
4. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М. : Прогресс, 1988. – 632 с.
5. Гордон, Дж.Э. Почему мы не проваливаемся сквозь пол / Дж.Э. Гордон. – М. : Мир, 1971. – 272 с.
6. Коломиец, Г.Г. О тенденции сближения научного и художественного способов познания / Г.Г. Коломиец // Научное искусство: Материалы I Международной научно-практической конференции. МГУ им. М.В. Ломоносова, 04–05.04.2012. Под ред. В.В. Миронова. – М. : МИЭЭ, 2012. – С. 60–64.
7. Меркулов, И.П. Когнитивные способности / И.П. Меркулов. – М. : ИФ РАН, 2005. – 182 с.
8. Микешина, Л.А. Эпистемология ценностей / Л.А. Микешина – М. : Российская политическая энциклопедия, 2007. – 440 с.
9. Петров, Ю.П. Расследование и предупреждение техногенных катастроф / Ю.П. Петров. – СПб. : БХВ-Петербург, 2007. – 112 с.
10. Поппер, К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход / К.Р. Поппер. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.
11. Фрейд, З. Введение в психоанализ: Лекции / З. Фрейд. – М. : Наука, 1991. – 456 с.
12. Abbott, K.R., Sherratt Th.N. The evolution of superstition through optimal use of incomplete information // Animal Behaviour. Volume 82, Issue 1, July 2011, P. 85–92.
13. Adorno T.W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D.J., Sanford R. The authoritarian personality. – London : Abridged Edition, 1982. – 480 p.
14. Allport G.W. The nature of prejudice. – Cambridge, Massachusetts : Addison-Wesley Pub. Company, 1954. – 529 p.

Сведения об авторе:

Габдуллин Ильдар Рустамович, доцент кафедры философии

Оренбургского государственного университета, кандидат философских наук
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2211, тел. (3532) 372586, e-mail: i.gabd@yandex.ru